

A portrait painting of Prince Feliks Yusupov, a young man with short brown hair and blue eyes, wearing a dark blue suit, white shirt, and dark tie. The background is a classical architectural scene with columns and trees. The portrait is framed with a rough, hand-painted border.

Князь
Феликс
Юсупов

Перед изгнанием
1887-1919

Портреты с натуры

Феликс Юсупов

Перед изгнанием. 1887-1919

«СОЮЗ»

1953

Юсупов Ф.

Перед изгнанием. 1887-1919 / Ф. Юсупов — «СОЮЗ»,
1953 — (Портреты с натуры)

ISBN 978-5-60-457408-9

Наверное, найдется не так много людей, вызывающих столь неоднозначную реакцию, как у своих современников, так и у потомков, как князь Феликс Феликсович Юсупов. Чаще всего его имя связывают с убийством Григория Распутина, и именно этот факт биографии наложил отпечаток на его последующую жизнь и заставил взглянуть в то, что предшествовало роковым событиям в Юсуповском дворце на Мойке. Он не раз пытался осмыслить свою жизнь, объяснить с собой и с временем. В 1927 году в Париже на русском языке вышли воспоминания, к тому моменту эмигранта Юсупова, названные «Конец Распутина», поведавшие миру о событиях декабрьской ночи 1916 года, и о том, что им предшествовало. Вторую часть издания составили письма из архива Юсуповых, подобранные и любезно предоставленные нам старшим научным сотрудником отдела письменных источников – Натальей Борисовной Стрижовой. Включение писем в издание не случайно. Они дополняют канву воспоминаний князя, а их интимный и откровенный характер позволяет еще глубже погрузиться в атмосферу тех далеких событий.

Но это еще не все! В нашем издании мы приготовили для вас еще один приятный сюрприз: рассказ князя Феликса Феликсовича Юсупова «В окопах» Рассказ был написан в 1914 году. Его издание было осуществлено автором в пользу жертв войны и публиковалось с претворяющим рассказ посвящением: «ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ С ГЛУБОЧАЙШИМ БЛАГОГОВЕНИЕМ ВСЕПОДДАННЕЙШЕ ПОСВЯЩАЕТ АВТОР.» Мы решили, что он, наравне с приводимыми нами письмами Юсуповых, послужит ярким дополнением к воспоминаниям князя, станет еще одним штрихом к его автопортрету.

ISBN 978-5-60-457408-9

© Юсупов Ф., 1953

© СОЮЗ, 1953

Содержание

Аннотация	7
Вступление	9
Моим читателям	13
Глава I	14
Глава II	17
Глава III	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Князь Феликс Юсупов

Перед изгнанием. 1887–1919

© Перевод с французского, О.В. Эдельман

© Вступление, примечания, публикация писем, Н.Б. Стрижова

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО Издательский Дом «СОЮЗ»

Аннотация

Наверное, найдется не так много людей, вызывающих столь неоднозначную реакцию, как у своих современников, так и у потомков, как князь Феликс Феликсович Юсупов. Чаще всего его имя связывают с убийством Григория Распутина, и именно этот факт биографии наложил отпечаток на его последующую жизнь и заставил взглянуть в то, что предшествовало роковым событиям в Юсуповском дворце на Мойке. Он не раз пытался осмыслить свою жизнь, объясниться с собой и с временем. В 1927 году в Париже на русском языке вышли воспоминания, к тому моменту эмигранта Юсупова, названные «Конец Распутина», поведавшие миру о событиях декабрьской ночи 1916 года, и о том, что им предшествовало.

Спустя четверть века в Париже были изданы две книги воспоминаний Ф.Ф. Юсупова «Перед изгнанием. 1887–1919» и «В изгнании».

Феликс Феликсович Юсупов-мл., граф Сумароков-Эльстон родился 11 (24) марта 1887 года в Санкт-Петербурге, умер 27 октября 1967 года в Париже и похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

В книге «Перед изгнанием» вы найдете сюжеты, что называется, на любой вкус. Прежде всего – историю рода Юсуповых, малоизвестную большинству из нас. Поразивший и заинтересовавший многих поступок Феликса Юсупова выдвинул его в ряд заметных исторических фигур и как бы заслонил достойные дела далеких предков, составивших славу одного из блистательных аристократических родов России. Воспоминания о семье, к которой принадлежал автор, чрезвычайно любопытны, поскольку в них всё, что может быть интересно читателю: распорядок жизни, быт, круг знакомых, описания интерьеров дворцов, особняков, вилл, в которых жили Юсуповы, сделанные автором с огромным удовольствием, множество смешных и милых подробностей той далекой жизни, отношения с родителями, бесконечные увеселения и развлечения, отношения со старшим братом, история его гибели. Самые искренние и теплые слова в адрес матери – Зинаиды Николаевны Юсуповой, боготворимой младшим сыном, считавшим ее самым близким человеком. Рядом с историей семьи – история самого автора, рассказанная подчас с пугающей откровенностью и открытостью.

Заканчивая свою книгу, Феликс Юсупов писал: «Покидая родину 13 апреля 1919 года, мы знали, что изгнание будет не меньшим из испытаний, но кто из нас мог предвидеть, что спустя тридцать два года ему все еще не будет видно конца». Может быть время возвращения настало?

Вторую часть издания составили письма из архива Юсуповых, подобранные и любезно предоставленные нам старшим научным сотрудником отдела письменных источников – Натальей Борисовной Стрижовой. Включение писем в издание не случайно. Они дополняют канву воспоминаний князя, а их интимный и откровенный характер позволяет еще глубже погрузиться в атмосферу тех далеких событий.

Но и это еще не всё! В нашем издании мы приготовили для вас еще один приятный сюрприз – рассказ князя Феликса Феликсовича Юсупова «В окопах», написанный в 1914 году. Его издание было осуществлено автором в пользу жертв войны и публиковалось с претворяющим рассказ посвящением: «ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ С ГЛУБОЧАЙШИМ БЛАГОГОВЕНИЕМ ВСЕПОДДАННЕЙШЕ ПОСВЯЩАЕТ АВТОР». Данный рассказ выдержал множество изданий в годы Первой мировой войны. Его печатали и в Петрограде, и в Москве, и в Киеве. В ряде публикаций рассказ имел второе название – «Тяжелая година». Однако в советской и постсоветской печати его не приводили и даже не упоминали. Мы же решили, что он, наравне с приводимыми нами письмами Юсуповых, послужит ярким дополнением к воспоминаниям князя, станет еще одним штрихом к его автопортрету.

Перевод книги «Перед изгнанием. 1887–1919» выполнен Ольгой Валерьяновной Эдельман – кандидатом исторических наук, ведущим специалистом Государственного архива Российской Федерации.

Общая редакция – Геннадий Николаевич Калашников.

Подбор и публикация писем осуществлены старшим научным сотрудником отдела письменных источников Государственного исторического музея Стрижовой Натальей Борисовной.

Вступление

«Мне он очень понравился и внешностью, в которой сквозит непередаваемое изящество и порода, и, главным образом, духовной выдержкой. Это, очевидно, человек большой воли и характера, качества, мало присущего русским людям, в особенности аристократической среды».

«Князь Феликс Юсупов, двадцати восьми лет, одарен живым умом и эстетическими наклонностями; но его дилетантизм слишком увлекается нездоровыми фантазиями, литературными образами Порока и Смерти; боюсь, что он в убийстве Распутина видел прежде всего сценарий, достойный его любимого автора Оскара Уайльда. Во всяком случае, своими инстинктами, лицом, манерами он походит скорее на героя «Дориана Грея», чем на Брута и Лорензаччио».

Таким видели Феликса Юсупова современники. Первая характеристика принадлежит В.М. Пуришкевичу, вторая – французскому послу в России М.Палеологу.

Князь Феликс Феликсович Юсупов граф Сумароков-Эльстон (далее князь Юсупов), чьи воспоминания находятся перед читателем, был младшим сыном графа Феликса Феликсовича Сумарокова-Эльстона, по линии матери принадлежавшего к древнему дворянскому роду Сумароковых, и Зинаиды Николаевны (урожденной княжны Юсуповой), последней представительницы одного из древних и знатных родов России. С 1891 года граф Ф.Ф. Сумароков-Эльстон и его жена получили право именоваться князьями Юсуповыми графами Сумароковыми-Эльстон.

Говоря о Юсуповых, следует помнить, что это была не только родовитая, но и очень богатая семья. Зинаида Николаевна унаследовала дворцы в Москве, Петербурге, знаменитое подмосковное Архангельское, обширнейшие земли, к которым присоединились земли ее мужа. Достаточно сказать, что их земельные угодья находились в семнадцати губерниях России. Они входили и в число крупнейших промышленников страны, владея винокуренными, бумажными, текстильными фабриками, рядом других производств, являясь акционерами Русского банка, Мальцовского торгово-промышленного товарищества, Южно-русского общества по торговле домашним скотом и др. Громадные капиталы семьи хранились в банках России, Швейцарии и Франции.

Ф.Ф. Юсупов-мл. родился 11 (24) марта 1887 года в Петербурге, умер 27 октября 1967 года в Париже и похоронен на русском кладбище в Сен-Женевьев де Буа.

Ф.Юсупов окончил известную гимназию Я.Г. Гуревича, некоторое время учился в Петербургском университете. С 1909 по 1912 год обучался в Оксфордском университете. В 1915–1916 гг. занимался на специальных курсах при Пажемском корпусе.

Женой Ф.Ф. Юсупова-мл. стала княжна императорской крови Ирина Александровна (1895–1970), дочь великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, внучка императора Александра III, племянница императора Николая II. Их бракосочетание состоялось в феврале 1914 года, а в марте следующего года у Ф.Ф. и И.А. Юсуповых родилась дочь – Ирина Феликсовна (1915–1983).

Пожалуй, самым известным фактом жизни князя Юсупова является то, что он был инициатором и главным организатором заговора против Г.Распутина. Убийство последнего, осуществленное в ночь с 16 на 17 декабря (по российскому стилю) 1916 года в юсуповском дворце на Мойке, не только повлекло высылку князя в родительское имение Ракитное в Курской губернии, где он находился до начала февральской революции, но и наложило свой отпечаток на последующую его жизнь, заставило его взглянуть в то, что предшествовало роковым событиям на Мойке. Он не раз пытался осмыслить свою жизнь, объясниться с собой и с временем.

В 1927 году в Париже на русском языке вышли воспоминания, к тому моменту эмигранта Юсупова, названные «Конец Распутина», поведавшие миру о событиях декабрьской ночи 1916 года, о том, что им предшествовало.

Спустя четверть века в Париже были изданы две книги воспоминаний Ф.Ф. Юсупова «*Avant l'exile. 1887–1919*», Paris, 1952; «*En exile*». Paris, 1954; – «Перед изгнанием» и «В изгнании».

Обратившись к публикуемой здесь книге воспоминаний, читатель найдет сюжеты, что называется, на любой вкус. Прежде всего – историю рода Юсуповых, малоизвестную большинству читающих. Поразивший и заинтересовавший многих поступок Феликса Юсупова выдвинул его в ряд заметных исторических фигур и как бы заслониł достойные дела далеких предков, составивших славу одного из блистательных аристократических родов России.

Излагая историю Юсуповых, Феликс Феликсович использовал материалы и документы, включенные в двухтомный сборник «О роде князей Юсуповых», составленный по инициативе его деда – Николая Борисовича-мл. и изданный в 1867 году.

Воспоминания о семье, к которой принадлежал автор, чрезвычайно любопытны, поскольку в них все, что может быть интересно читателю: распорядок жизни, быт, круг знакомых, описания интерьеров дворцов, особняков, вилл, в которых жили Юсуповы, сделанные автором с огромным удовольствием, множество смешных и милых подробностей той далекой жизни, отношения с родителями, бесконечные увеселения и развлечения, отношения со старшим братом, история его гибели. Самые искренние и теплые слова в адрес матери – Зинаиды Николаевны Юсуповой, боготворимой младшим сыном, считавшим ее самым близким человеком. Рядом с историей семьи – история самого автора, рассказанная подчас с пугающей открытостью и открытостью.

Взгляды Ф.Юсупова на события российской политической жизни начала XX столетия не отличаются глубиной, его оценки и отношение к происходящему в пределах, характерных для круга, к которому он принадлежал. Рассказ о Г.Распутине и его влиянии на императорскую чету и политические обстоятельства во многом повторяет сказанное в книге «Конец Распутина», но там жила острая, еще не притупленная временем боль от гибели России, от потери отечества, бесчисленных смертей и разорений, принесенных революцией, – и это вносило подлинно трагические ноты в повествование. В предлагаемых воспоминаниях все увидено уже через призму времени, сквозь дымку прошедших лет. Впрочем, читатель и сам может сравнить теперь обе книги.

Во всяком случае, в этой книге читатель соприкоснется с изысканной и беззаботной жизнью, подобной той, о которой с удовольствием рассказывали и щедро показывали на страницах модного в то время журнала «Столица и усадьба», и, надеемся, поймет, что в жизни людей, располагавших, казалось, неограниченными возможностями, были и драмы, и трагедии: трагедией обернулось неумение предотвратить крушение и утрату России.

Воспоминания Ф.Юсупова субъективны, что характерно для такого исторического источника, как мемуары, в них встречаются фактические неточности, преувеличения (в ряде случаев мы оговариваем это в примечаниях). Оценивая сказанное автором, следует учесть то обстоятельство, что он не ставил целью создание строго документального исследования.

И все же, несмотря на некоторые недостатки, воспоминания Феликса Юсупова интересны хотя бы потому, что перед нами автопортрет человека, чья жизнь и главный поступок до сей поры привлекают внимание, а, кроме того, в нашем распоряжении не так много воспоминаний, записок, вышедших из-под пера представителей высшего аристократического круга России. Так, нельзя не обратить внимания на главу, посвященную удивительной женщине, старшей сестре последней российской императрицы, вдове великого князя Сергея Александровича, основательнице Марфо-Мариинской обители милосердия – великой княгине Елизавете Федоровне. В наши дни возрос интерес к личности великой княгини, а потому свидетель-

ства человека, с детских лет помнившего ее и в какой-то момент бывшего под благодатным влиянием княгини, особенно ценны.

Князь Юсупов ошибался, утверждая, что архивы его рода «исчезли во время революции». Возможно, что-то и было утрачено, но один только Центральный государственный архив древних актов в Москве имеет, почти 27 тысяч единиц хранения, в которых документы рода XVI – начала XX вв. Кроме того, материалами рода располагает ряд центральных архивохранилищ Москвы и Петербурга, в том числе Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (далее ГИМ ОПИ)

Вторую часть издания составили не публиковавшиеся ранее письма из архива семьи Юсуповых, хранящиеся в ф. 411 ГИМ ОПИ и письмо Ф.Ф. Юсупова-мл. великой княгине Ксении Александровне, перепечатанное из журнала «Красный архив» (1923, № 4).

Публикация открывается письмами Зинаиды Николаевны Юсуповой младшему сыну за 1893–1913 гг. Глубоко личные и бесхитростные, они изящны, нежны и знакомят с женщиной, бывшей центром своей маленькой семьи, обаятельной, доброй, умной, наделенной литературным даром.

Трогательные, милые письма, адресованные Феликсом Юсуповым будущей жене – княжне Ирине Александровне, и письмо великой княгине Ксении Александровне, написанное в Ракитном 2 января 1917 года, спустя несколько недель после убийства Г.Распутина, полное горечи и смятения, осознания трагичности своего поступка – возможно, они изменят и усложнят устоявшееся и распространенное мнение об их авторе.

Следующую группу составляют письма, связанные с дуэлью, участниками которой были А.Э. Мантейфель и старший сын Юсуповых Н.Ф. Сумароков-Эльстон.

Дуэль состоялась в июне 1908 года и закончилась гибелью Николая. Обстоятельства той трагедии подробно изложены в воспоминаниях Ф.Юсупова, и нет смысла возвращаться к ним. Назовем лишь круг публикуемых писем: Александры Александровны Гейден, матери Марины Мантейфель, написанное Н.Ф. Сумарокову-Эльстон незадолго до дуэли, два письма М.Мантейфель Ф.Ф. Юсупову-мл. и предсмертное письмо самого Николая, обращенное к Марине Мантейфель.

Судьба и личная драма Марии Евгеньевны Головиной, одной из многочисленных корреспонденток Феликса Юсупова, оказалась с некоторых пор связанной с семьей Юсуповых. В юности она участвовала в спектаклях любительской театральной труппы, организованной Н.Ф. Сумароковым-Эльстоном, была влюблена в Николая. Его гибель потрясла Марию, оставив в душе, без малейшего преувеличения, не зажившую с годами рану. Попытка изменить жизнь, делать достойное дело, определившись в Марфо-Мариинскую обитель, не удалась. Будучи чистым и доверчивым человеком, познакомившись с Распутиным, она стала преданной поклонницей «старца». Именно М.Головина познакомила Ф.Юсупова с Распутиным.

Публикуемые письма М.Головиной Ф.Юсупову (1908–1912) представляют человека искреннего и душевно ранимого, с несложившейся судьбой. И может статься, прочитав их, будущие исследователи и романисты остерегутся в выборе слов, определяющих ее место в кругу Распутина, ибо Головиной никогда не принадлежала та роль, которую иногда ей стараются навязать.

Заканчивая свою книгу, Феликс Юсупов писал: «Покидая родину 13 апреля 1919 года, мы знали, что изгнание будет не меньшим из испытаний, но кто из нас мог предвидеть, что спустя тридцать два года ему все еще не будет видно конца».

Может быть, время возвращения настало?

Н.Б. Стрижова

Моей жене

Я должен выразить свою признательность

*Ирэне де Жиронд, помощь которой была
драгоценна для завершения моей рукописи.*

Со всей дружбой Ф. Ю.

Моим читателям

Это история одной семьи старой России в обрамлении дикости и восточной роскоши, ей свойственных. Она проделала путь из татарской Золотой Орды до Санкт-Петербургского императорского двора, чтобы закончить его в изгнании.

Наши семейные архивы исчезли во время революции, у меня остался лишь труд, написанный моим дедом в 1880 году; этому единственному документу я обязан всеми сведениями, касающимися происхождения и истории моего рода.

О своей собственной жизни я говорю искренне, я рассказываю о днях радости и грусти, ничего не утаивая из своего опыта.

Я хотел бы избежать политических проблем, но я жил в смутную эпоху и, несмотря на то, что уже рассказал в другом месте о драматических событиях, в которых оказался замешан, не смогу писать свои воспоминания, обходя молчанием роль, которую был призван в них сыграть.

Эта книга расскажет о беззаботной жизни, которая была нашей до войны 1914 года и революции 1917 года; вторая¹ расскажет о перипетиях и терзаниях нашей жизни на чужой земле.

Пропасть разделяет эти два периода, и нам понадобилась глубокая Вера, чтобы не усомниться в справедливости Бога. Лишь абсолютное доверие к Нему позволило нам пройти дни испытаний, ни разу не потеряв надежды.

¹ Youssouppoff F. En exil. – Paris, 1954 (Юсупов Ф. В изгнании. – Париж, 1956) – на русском языке не издавалась. (Прим. ред.)

Глава I

Мои татарские предки. – Хан Юсуф. – Сумбека – казанская царица. – Первые князья Юсуповы.

Из архива моего рода следует, что его основателем был некий Абубекир бен-Райока, живший в VI веке. Он был потомком пророка Али, племянника Магомета. Являясь верховным вождем мусульман, он носил титулы Эмира эль Омра, Князя Князей, Султана Султанов и Хана, объединявшие власть политическую и религиозную.

Его потомки равным образом обладали верховной властью в Египте, Дамаске, Антиохии и Константинополе. Некоторые из них покоятся в Мекке, по соседству со знаменитым камнем Кааба.

Один из них, по имени Термес, откочевал из Аравии на берега Азовского и Каспийского морей. Он занял обширное пространство между Доном и Уралом, где впоследствии сформировалась Ногайская орда.

В XIV веке потомок Термеса – Эдигей Мангит, бывший одним из лучших стратегов своего времени, участвовал во всех походах Тамерлана, основателя Второй Монгольской империи. Он разбил хана Кипчака, восставшего против Тамерлана, союзником которого он являлся. Позже Эдигей Мангит спустился к югу, к берегам Черного моря, где основал Крымскую орду, или Крымское ханство. Он прожил тридцать лет, после его смерти между наследниками возник раздор, и многие из них погибли, убивая друг друга.

К концу XV века праправнук Эдигея – Муса-Мурза стал властителем могучей Ногайской орды. Союзник великого князя Ивана III, он разбил и уничтожил Кипчакское ханство, соперничающую часть старой Золотой Орды. Его преемником был старший сын, Шихмаммет, смененный вскоре своим братом Юсуфом.

Хан Юсуф был одним из самых могущественных и самых умных князей своего времени. Царь Иван Грозный, которому он был верным союзником в течение 20 лет считал Ногайскую орду царством и обращался с ее владыкой как с суверенным правителем. Союзники обменивались пышными подарками: оружием, инкрустированными камнями, богатыми горностаевыми и собольими шубами, шатрами, крытыми драгоценными тканями из дальних стран. Царь называл союзника другом, братом. Со своей стороны Юсуф ему писал: «Имеющий тысячу друзей должен их считать за одного, но имеющий одного врага должен считать его за тысячу».

У Юсуфа было восемь сыновей и дочь Сумбека, которая стала царицей в Казани. Она была знаменита красотой, живостью ума, пылкостью и смелостью характера.

В то время Казанское ханство переходило из рук в руки. Жажда власти толкнула Сумбеку последовательно выходить замуж за убийц своих мужей. Впервые она была выдана замуж в четырнадцать лет за хана Еналея, убитого сыном крымского хана Сафагиреем. Объявленный Казанским ханом Сафагирей был, в свою очередь, убит собственным братом, новым покорителем Казани и новым мужем Сумбеки. Вскоре его начали преследовать, и он укрылся в Москве. Сумбека мирно правила царством несколько лет, но вскоре начались разногласия между Иваном Грозным и его бывшим союзником Юсуфом. Осажденная Казань вынуждена была сдаться превосходящей русской армии, и царица Сумбека попала в плен. В память о взятии Казани в Москве был воздвигнут знаменитый собор Василия Блаженного, его восемь куполов напоминают о восьми днях, в продолжение которых длилась осада.²

² Речь идет о Покровском соборе, находящемся на Красной площади в Москве. Построен в 1555–1561 гг. в память о покорении Казани русскими в 1552 г. Архитектура собора сложна: на едином основании (подклете) находятся 10 церквей (приделов); некоторые из них освящены в честь событий Казанского похода, длившегося несколько месяцев. Новым именем – Василия Блаженного – собор стали называть спустя годы, после сооружения в северо-восточной части собора придела Василия Блаженного.

Иван Грозный, восхищавшийся смелостью царицы, обходился с ней с большим уважением. Он послал богато украшенную флотилию, чтобы доставить Сумбеку и ее сына в Москву, где их поселили в Кремлевском дворце.

Не только царь испытал обаяние пленницы. Она быстро покорила весь двор, а также и русский народ, видевший в ней легендарную княжну.

Тем временем хан Юсуф, опечаленный тем, что его дочь и внук попали в плен, не переставал добиваться их освобождения. Но угрозы старого хана мало беспокоили Ивана Грозного. Он даже не отвечал на его послания и говорил приближенным: «Его величество хан Юсуф бесится». Глубоко оскорбленный Юсуф готовился к войне, но был убит своим братом Измаилом.

Сумбека, которая и в плену не утратила вкуса к власти, упрашивала царя узаконить ее развод с последним мужем, все еще жившим изгнанником в Москве, чтобы она смогла выйти за нового казанского хана. Иван Грозный отказал ей в этой просьбе, и Сумбека умерла в плену в возрасте тридцати семи лет. Память о ней не угасла. В XVIII и XIX веках ее образ вдохновлял многих русских писателей³ и музыкантов. В 1832 году в Петербурге с большим успехом шел балет композитора Глинки «Сумбека и покорение Казани»⁴, где царицу представляла знаменитая балерина Истомина.

После смерти Юсуфа его наследники непрерывно воевали друг с другом до конца XVII века⁵. Его правнук, Абдул Мурза, обратился в христианство, принял имя Димитрия⁶ и получил от царя Федора титул князя Юсупова. Новый князь, славившийся своей отвагой, участвовал во всех походах царя против крымского хана и Польши. Эти войны кончились славным миром, вернувшим России все ее старинные владения.

Князь Юсупов, тем не менее, не миновал опалы и лишился половины своих владений из-за жалобы московского митрополита, который в постный день обнаружил у него гуся, поданного под видом рыбы. Правнук князя Димитрия, князь Николай Борисович, рассказывал, что однажды он был гостем императрицы Екатерины II в Зимнем дворце. Государыня его спросила, умеет ли он разделывать гуся. «Как же, – отвечал он, – могу я пренебречь чем-нибудь, что касается птицы, отнявшей у нас половину имения?» Императрица пожелала узнать анекдот, который ее очень развлек. «Ваш предок получил по заслугам, – сказала она. – А того, что у вас осталось, должно быть вам достаточно, поскольку вы могли бы еще содержать меня со всей моей семьей».

Сын князя Димитрия, князь Григорий Дмитриевич⁷, был одним из ближайших советников Петра Великого. Он строил флот и активно участвовал как в войнах великого царя, так и в подготовке правительственных реформ. Его ум и исключительные способности доставили ему уважение и дружбу государя.

³ Казанская царица Сумбека стала героиней поэмы М.М. Хераскова «Россияда», трагедии С.Н. Глинки «Сумбека, или Падение Казани» и др.

⁴ Музыка для балета «Сумбека, или Покорение Казанского ханства» написана И.Л. Сонне.

⁵ Автор воспоминаний не отметил важный в истории рода Юсуповых факт. После смерти Юсуфа его брат Измаил, опасаясь мести и соперничества сыновей умершего, в 1563 г. выслал Иль-мурзу и Ибрагима-мурзу на службу к Ивану IV. Братья были приняты на службу, пожалованы деревнями и селами в Романовском округе и, как писал историограф рода Б.М. Федоров: «С того времени Россия сделалась отечеством для потомков Юсуфа». (См.: О роде князей Юсуповых. – СПб., 1867. Т.1. С.52.)

⁶ Дмитрий Сеюшевич (ум. 1694), сын Сеюша-мурзы, был женат на вдове Екатерине Яковлевне Сумароковой (урожденной Хомутовой).

⁷ Юсупов Григорий Дмитриевич (1676–1730), генерал-аншеф. Сподвижник Петра I. Участник Азовских походов, Северной войны, битвы при Лесной, Полтавской битвы. Г.Д. Юсупов – один из организаторов гребной флотилии. С 1719 г. состоял членом Военной коллегии. Его женой была Анна Никитична Львова (урожденная Акинфова).

Его сын, Борис⁸, продолжил дело отца. В двадцать лет он был послан во Францию изучать тамошние морские науки. По возвращении он, как и отец, сделался близким советником царя и, как и он, участвовал в проведении реформ.

В правление императрицы Анны князь Борис Григорьевич был назначен московским генерал-губернатором, а при императрице Елизавете – шефом учебных заведений империи. Он был очень популярен среди учеников, считавших его более другом, чем наставником. Князь Борис Григорьевич выбрал самых преданных из них и составил труппу комедиантов-любителей. Они играли классические пьесы, а также собственные произведения. Среди них был один, отличавшийся истинным талантом. Это был будущий писатель Сумароков⁹, один из моих предков отцовской линии.

Появление этой труппы в то время было настоящим событием, так как во всей империи не было тогда ни одного русского театра. О труппе услышала императрица Елизавета и пожелала видеть ее в Зимнем дворце. Государыня была настолько ею очарована, что пожелала сама заниматься костюмами актеров и предоставляла им свои собственные платья и украшения. Не без влияния князя Бориса Елизавета подписала в 1756 году приказ об устройстве в Санкт-Петербурге первого публичного театра. За артистическими увлечениями князь не забывал и о государственных делах. Он много занимался экономическими вопросами, создал речную навигационную систему, связавшую Ладожское озеро с Волгой и Окой. У князя Бориса было два сына и четыре дочери¹⁰. Одна из них была замужем за герцогом курляндским Петром, сыном знаменитого Бирона, фаворита императрицы Анны. Старшим сыном князя Бориса был мой прапрадед, князь Николай Борисович¹¹. Он заслуживает отдельной главы.

⁸ Юсупов Борис Григорьевич (1695–1759), действительный тайный советник. С 1717 г. обучался в Тулонском училище гардемарин. Вернувшись в Россию, находился на гражданской службе, занимал ряд видных должностей. С 1738 г. – московский вице-губернатор, с 1739 г. московский губернатор, с 1752 по 1759 г. – главный директор сухопутного шляхетского корпуса; являясь с 1742 г. директором Ладожского канала, вошел в Сенат с предложением о необходимости соединения канала с Волгой и Окой, был президентом Коммерц-коллегии. Б.Г. Юсупов был женат на Зиновьевой Ирине Михайловне.

⁹ Сумароков Александр Петрович (1717–1777), русский поэт и драматург, автор трагедии «Синав и Трувор», «Дмитрий Самозванец», комедии «Рогоносец по воображению» и др.

¹⁰ Борис Григорьевич имел одного сына и четырех дочерей. Старшая дочь – княжна Евдокия Борисовна (ум. 1780) в 1774 г. вышла замуж за Петра Бирона.

¹¹ Юсупов Николай Борисович (1751–1831), действительный тайный советник, сенатор, член Государственного Совета. В 1783 г. назначен посланником в Турин, а затем в Неаполь. В 1784 г. находился в Венеции в качестве уполномоченного при Венецианском правительстве, в том же году выезжал в Рим для встречи с папой Пием VI. В 1788 г. Н.Б. Юсупов назначен к присутствию в Сенате. С 1791 по 1799 г. был директором театров. В 1792 г. ему вверено управление стекольным и фарфоровым заводами и шпалерной мануфактурой. В 1796 г. назначен президентом Мануфактур-коллегии, в это же время ему поручили принять в свое ведение императорский Эрмитаж и придворный театр. В 1800 г. назначен министром уделов. В 1814 г. назначен главноначальствующим над экспедицией кремлевских строений в Москве. В 1823 г. получил звание члена Государственного Совета.

Глава II

Князь Николай Борисович. – Его заграничные путешествия. – Его женитьба. – Архангельское. – Князь Борис Николаевич.

Князь Николай – одна из самых замечательных фигур в нашей семье. Склонный к интеллектуальным занятиям, с сильным характером, любитель путешествовать, очень эрудированный, говоривший на пяти языках, он был связан с большинством знаменитых людей своего времени, покровительствовал искусствам и наукам и был другом и советчиком как императрицы Екатерины II, так и ее преемников, царей Павла I, Александра I и Николая I.

В возрасте семи лет князь Николай был записан в один из гвардейских полков, а в шестнадцать получил офицерские эполеты. Впоследствии он дослужился до высших государственных должностей и получил все почетные отличия, вплоть до бриллиантовых эполет, предназначавшихся для членов царствующей семьи. В 1798 году он был возведен в чин Великого Командора Орденов Мальтийского и Св. Иоанна Иерусалимского. Утверждали также, что от государыни он получал и более приватные милости.

В книге под названием «Рассказы бабушки» г-жа Янькова говорит о князе Николае следующее¹²:

«Князь Юсупов был одним из крупнейших московских бар и одним из последних представителей блестящего двора Екатерины II. Императрица имела к нему большое доверие, рассказывают даже, что спальню князя украшала картина, на которой государыня и ее советник были изображены в виде Венеры и Аполлона. После смерти Екатерины II ее сын, Павел I, узнав о существовании этого полотна, приказал его уничтожить, но я сомневаюсь, что князь исполнил повеление. Что касается его распутства, то оно легко объяснимо его восточными предками и крепким телосложением. Во дворце князя в Архангельском есть коллекция более чем из трехсот портретов его любовниц. Он был женат на племяннице знаменитого фаворита императрицы

Екатерины II князя Потемкина¹³, но их брак из-за ветрености князя не был особенно счастливым.

Князь Николай был очень пригож и обаятелен. Простотой обхождения он завоевал всеобщую любовь как при дворе, так и среди простого народа. В своем имении Архангельском он задавал грандиозные праздники. Последний, во время коронации Николая I, превзошел пышностью все предыдущие и поразил воображение иностранных послов и принцев. Князь Николай владел огромными богатствами, размеров которых он и сам не знал. Большой любитель произведений искусства, он собрал одну из самых значительных в России коллекций. Под старость, устав от света, он удалился в свой московский дом, где провел последние годы. Исключая бесстыдное распутство, сильно повредившее ему в общественном мнении, его можно было бы считать образцом человека».

Князь Николай значительную часть жизни провел за границей, Он был знаком со знаменитейшими писателями своего времени и по возвращении в Россию продолжал с ними переписку. Во время путешествий он приобретал множество произведений искусства как для императорского музея в Эрмитаже, так и для собственной галереи. Он добился от папы Пия VI¹⁴ позволения двум итальянским художникам, Мазону и Росси, сделать копии с ватиканских фре-

¹² Вольный пересказ воспоминаний Е.П. Яньковой (См.: Рассказы бабушки Е.П. Яньковой): Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д.Благово. – Л.: Наука, 1989. С.167.)

¹³ Юсупова Татьяна Васильевна (1769–1841), урожденная Энгельгардт. Первым ее мужем был дальний родственник Михаил Сергеевич Потемкин. От этого брака остались двое детей – Екатерина и Александр.

¹⁴ Пий VI – папа римский в 1775–1799 гг.

сок Рафаэля. Когда был создан музей в Эрмитаже, эти копии были помещены в отдельном зале, позже названном галереей Рафаэля.

В свое пребывание в Париже князь Николай часто получал приглашения на праздники в Версаль и Трианон. Король Людовик XVI и королева Мария-Антуанетта были с ним в большой дружбе. Он получил от них в подарок сервиз из севрского фарфора, украшенный цветами и головками негров, одно из лучших произведений Королевской мануфактуры, первоначально предназначавшееся для дофина.

Никто не знал, что случилось с этим драгоценным сервизом, пока в 1912 году, по случаю приезда двух французских профессоров, изучавших севрский фарфор, я не предпринял новые поиски. Тут-то сервиз и был обнаружен – в глубине одного из наших мебельных складов, где он скрывался больше века.

Князь Николай удостоился дружбы прусского короля Фридриха Великого¹⁵ и австрийского императора Иосифа II¹⁶. Он был знаком с Вольтером, Дидро, Д'Аламбером и Бомарше. Последний даже сочинил оду в его честь¹⁷. Что касается фернейского патриарха¹⁸, то после первой встречи с князем Вольтер написал императрице Екатерине II письмо, где благодарил ее за знакомство с человеком, интересным как обширностью познаний, так и обаянием ума.

«Месье, – отвечала императрица, – если вы довольны знакомством с князем Юсуповым, я должна вам сказать, что, со своей стороны, князь очарован вами».

В то же время она известила князя Николая о хорошем впечатлении, которое он произвел на «старого маньяка из Ферне».

В 1774 году князь Николай был в Санкт-Петербурге по случаю свадьбы его сестры Евдокии с герцогом Петром Курляндским. Церемония происходила в Зимнем дворце, в присутствии императрица. Екатерина надеялась, что этот союз будет иметь самые счастливые последствия для герцогства Курляндского. Она полагала, что обаяние и доброта княжны Евдокии будут успокаивающе действовать на раздражительный характер ее супруга и что от этого все выиграют. Ее надежды вскоре рассеялись. Характер герцога стал еще более неприятен, чем когда-либо, и его супруга должна была выносить самое дурное обращение. Екатерина II, узнав об этом, воспользовалась свадьбой сына, великого князя Павла, чтобы под этим предлогом вызвать молодую женщину в Петербург. Герцогиня Евдокия умерла, прожив два года подле императрицы. Герцог Курляндский прислал князю Николаю на память спальню герцогини. Мебель из посеребренного дерева, с изящной резьбой, была обтянута голубым шелком. Эту драгоценную мебель установили в Архангельском, в комнате с колоннами белого мрамора и стенами, окрашенными в голубой цвет, и она стала называться «серебряная комната».

В 1793 году князь Николай женился на Татьяне Васильевне Энгельгардт, одной из пяти племянниц князя Потемкина.

Княгиня Татьяна была пленительна с самого юного возраста. Когда ей было двенадцать лет, императрица взяла ее под свое покровительство и все время держала при себе. Она быстро покорила весь двор, где у нее было множество воздыхателей.

Около этого времени в Петербург прибыла англичанка, знаменитая своей красотой и экстравагантностью, герцогиня Кингстон, графиня Бристольская. На борту своей роскошно обставленной яхты она развела экзотический сад, населенный редкими птицами.

Герцогиня Кингстон прониклась живой дружбой к юной Татьяне, которую встретила в Зимнем дворце. Накануне своего отъезда она попросила у императрицы позволения увезти ее любимицу в Англию, обязуясь сделать ее единственной наследницей огромного состояния.

¹⁵ Фридрих II Великий (1712–1786), прусский король в 1740–1786 гг.

¹⁶ Иосиф II (1741–1790), австрийский государь в 1780–1790 гг.

¹⁷ Стихи П. Бомарше помещены в сборнике «О роде князей Юсуповых», – СПб., 1867. Т.2.С.415–416.

¹⁸ Речь идет о Вольтере, с 1758 г. обосновавшемся в имении Ферне.

Екатерина II передала это предложение Татьяне. Но несмотря на то, что девушка сама очень привязалась к герцогине Кингстон, она отказалась покинуть свою страну и свою государыню.

Ей было двадцать четыре года, когда она вышла за князя Юсупова, которому уже было больше сорока. Сначала их союз был очень счастливым. У них родился сын, которого назвали Борисом¹⁹. В Петербурге, Москве и Архангельском, их летней резиденции, они постоянно были окружены артистами, поэтами и музыкантами. Среди ближайших друзей дома был Александр Пушкин. Князь и княгиня в своем московском доме держали для гостей специальные комнаты, где поэт часто останавливался в юности. Архангельское, где летом он бывал частым гостем, вдохновило его на множество стихов. Он сочинил в честь его хозяина оду, начинающуюся такими словами:

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет зефир,
Лишь только первая позеленеет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа...

Княгиня Татьяна была не только безукоризненной хозяйкой дома, гостеприимной и обаятельной, она была также удачливой деловой женщиной. Под ее управлением имение мужа процветало, в то же время крестьяне, жившие на их землях, ощущали улучшение условий своего существования. Она была добра и щедра. «Когда Бог нас испытывает, – говорила она, – он делает это, чтобы упражнять нашу веру и терпение».

Ее добродетели не мешали ей любить украшения. Она была страстной ценительницей драгоценностей и основала коллекцию, ставшую знаменитой. Она купила алмаз «Полярная звезда» и множество украшений с французской короны, украшения неаполитанской королевы и, наконец, уникальную и великолепную «Перегрину», знаменитую жемчужину, принадлежавшую Филиппу II Испанскому²⁰ и, говорят, в древности – царице Клеопатре. Жемчужина была парной той, которую царица Египта растворила в уксусе, чтобы превзойти Антония в застольных безумствах. Воспоминание об этой легенде побудило князя Николая воспроизвести на полотне знаменитые фрески Тьеполо из палаццо Лабиа в Венеции – «Пир» и «Путешествие Клеопатры». Эти копии и сейчас украшают один из залов в Архангельском.

Князь, который по-своему любил жену, предложил ей неограниченный кредит для ее покупок. Он был оригинален даже в подарках. Так, однажды он преподнес ей на именины все статуи и вазы, украшающие парк в Архангельском, в другой раз – птиц и животных для зоологического сада, который он устроил в имении. Тем не менее, их доброе согласие не было продолжительным. Старая, князь становился все распутнее. Не желая обитать в доме, где ее неверный муж жил, как паша в серале, княгиня построила в парке Архангельского небольшой павильон, названный «Каприз», и удалилась в него. Она отказалась от всякой светской жизни и всецело посвятила себя воспитанию и благотворительности. Княгиня пережила мужа на десять лет и умерла в 1841 году в возрасте семидесяти двух лет, сохранив до последних минут редкие качества своей души и доброе имя.

* * *

После лет, проведенных в разъездах по Европе и Ближнему Востоку, князь Николай вернулся в Россию и деятельно занялся попечением искусств. Он руководил устройством Эрми-

¹⁹ Юсупов Борис Николаевич (1794–1849), действительный статский советник, гофмейстер двора, петербургский уездный предводитель дворянства, депутат дворянского собрания, почетный опекун.

²⁰ Филипп II Испанский (1527–1598), король Испании в 1556–1598 гг.

тажного музея и в то же время создавал в Архангельском собственную галерею из картин, которые собрал. В парке был выстроен театр, где давала представления, о которых долго вспоминали москвичи, его собственная труппа артистов и музыкантов. Архангельское стало артистическим центром, равно притягательным для иностранцев и для русских. Екатерина II, ценившая вкус и познания князя Николая, доверила ему пост директора всех императорских театров.

В Архангельском, за пределами парка, князем были построены две фабрики, фарфоровая и зеркальная. Он выписывал с Севрской мануфактуры художников и рабочих и получал оттуда сырье. Всю продукцию он оставлял у себя, чтобы делать подарки друзьям и выдающимся посетителям. Фарфор с фабричным клеймом «Архангельское 1828–1830» очень ценят коллекционеры. Пожар уничтожил фабрики и склады при них, где находилась не только продукция Архангельского, но и великолепный севрский сервиз «Роза дю Барри», купленный князем в одну из поездок в Париже.

В 1799 году князь Николай вернулся в Италию, где он провел много лет как посол при Сардинском, Римском, Неаполитанском и Сицилийском дворах.

Во время последней поездки в Париж, в 1804 году, он часто виделся с Наполеоном I. Князь был вхож в императорскую ложу во всех парижских театрах. Перед его отъездом французский император подарил ему две вазы севрского фарфора и три гобелена с изображением охоты Мелеагра.

По возвращении князь продолжал украшать свои владения в Архангельском. В память о Екатерине II, настоящий культ которой царил в имении, он повелел воздвигнуть в парке храм, на фронте которого была надпись: «Dea Caterinea».

Внутри на пьедестале возвышалась бронзовая статуя царицы в виде Минервы. Перед статуей на треножнике курились благовония и ароматические растения. На стене в глубине храма была выгравирована итальянская надпись: «Tu cui concede il cielo e dietti il fato, voler il guisto e poter ciò che vuoi» – «Ты, которая получила от небес дар желать справедливости, а от Судьбы – возможность ее осуществления». Некий восточный принц, проезжавший через Москву, захотел познакомиться с Архангельским и его владельцем. Князь приказал выстроить стену перед часовней и тем самым скрыть ее от взглядов гостя, так как не желал допустить, чтобы неверный попытался туда проникнуть. Говорят, что эта стена, увенчанная забавной колоколенкой в восточном стиле, была выстроена слугами князя Николая за два дня.

Его главным управляющим был француз по имени Дерусси. Он исправно исполнял требования своего хозяина, но так жестоко обращался с крестьянами, что все кругом его возненавидели. Однажды вечером его сбросили с вершины башни, а труп швырнули в реку. Винозные были разысканы, каждый получил по пятнадцать ударов кнутом, им вырвали ноздри и раскаленным железом нанесли на лица клеймо «убийца», после этого заковали и отправили в Сибирь.

Уход за парком требовал значительной ручной работы. Князь Николай, желавший превратить Архангельское в приют роскоши и красоты, изгнал со своих земель зерновые культуры. Зерно для нужд крестьян привозили из соседних имений, а сами они были заняты исключительно работами по уходу и украшению его садов.

Парк был выдержан в чисто французском стиле. Три длинные террасы, украшенные статуями и мраморными вазами, спускались к реке. В центре грабовые аллеи окаймляли длинный зеленый газон. Повсюду были разбросаны живописные рожицы и фонтаны. На берегу у самой воды возвышались четыре павильона, соединенные оранжереями двухсотметровой длины. В зимнем саду среди апельсиновых деревьев и пальм стояли мраморные скамьи и били фонтаны. Экзотические птицы и цветы создавали иллюзию вечного лета, в то время как через высокие окна был виден парк, покрытый снегом.

В зоологическом саду обитали редкие птицы, которых князь выписал из-за границы. Императрица Екатерина подарила ему семейство тибетских верблюдов. С того момента, как эти животные были отправлены из Царского Села, специальный курьер прибывал каждый день в Архангельское, чтобы известить князя о состоянии здоровья этих «путешественников».

Рассказывали, что каждый полдень из сада в направлении дворца вылетал орел и что у рыбы в пруду сверкали в жабрах золотые кольца.

В 1812 году князю Николаю пришлось покинуть Архангельское и укрыться в Туракино, где формировались русские армии перед наступлением французских войск. Он долго не получал известий из своих имений. Война окончилась, он вернулся в Москву, где нашел свой дом невредимым. Зато Архангельское сильно пострадало. Все статуи парка были изуродованы, а большинство деревьев срублено. Найдя безносыми свои мифологические божества, князь воскликнул: «Эти французские свиньи заразили сифилисом весь мой Олимп!» В доме были выбиты двери и окна, а большая часть мебели и произведений искусства валялись вперемешку на паркете. Картина разгрома и разрушений всех предметов, которые он собирал с такой любовью, была столь невыносима, что он заболел.

Князь Николай вел в Архангельском роскошную жизнь, в которой охота, балы и спектакли сменяли друг друга без перерыва. Его безграничное богатство позволяло ему удовлетворять все свои фантазии, и на это он тратился без счета. Напротив, он выказывал странную заботу об экономии, когда речь шла о повседневных расходах. Эта скупость обошлась ему дорого. Он имел неосторожность приказать топить печи опилками, чтобы экономить дрова. Однажды вспыхнул пожар, уничтоживший все внутреннее убранство дворца.

Один из его московских друзей так описывает пожар:

«Вот последние новости из Москвы: великолепный дворец в Архангельском сгорел, и этим несчастьем обязаны скупости старого князя, который требовал, чтобы вместо дров употребляли опилки при топке печей. А от опилок до золы – один шаг. Большая часть библиотеки и множество картин сгорели. Картины и предметы искусств выбрасывали из окон, чтобы спасти от огня. У знаменитой группы Кановы «Амур и Психея» отбиты руки и ноги. Бедный Юсупов! Зачем он был так скарעדен? Я думаю, что Архангельское никогда ему не простит этих ран, нанесенных по его вине, и главное, надругательства над ним – появление там гарема из танцовщиц и проституток».

Вся Москва говорила о скандальной жизни, которую вел старый Юсупов. Уже давно живя врозь с женой, он содержал невероятное число любовниц, танцовщиц и крестьянок. Завсегдатай театра в Архангельском рассказывал, что, когда балетная труппа была на сцене, князь делал знак тростью, и все юные создания являлись совершенно нагими. Первая танцовщица была его фавориткой, и он осыпал ее королевскими подарками. Но главной его страстью была необычайно красивая француженка, имевшая досадную привычку пить. Когда она была пьяна, она устраивала ему адскую жизнь. Их ссоры часто переходили в настоящие драки. Посуда и безделушки так и летали, разбиваясь вдребезги. Несчастный князь был терроризирован, лишь обещание пышного подарка могло утихомирить его вспыльчивую любовницу. Ей было восемнадцать лет – ему же под восемьдесят!

Путешествия князя были непростым делом. Он никогда не передвигался без сопровождения близких друзей и любовниц, многочисленной челяди, без музыкантов с их инструментами, не говоря уж о его любимых собаках, попугаях, обезьянах и части его библиотеки. Приготовления начинались за много недель и требовалось не менее десяти карет, в каждую из которых впрягалось по шесть лошадей, чтобы перевезти князя и его свиту. Таким образом он отправлялся из Москвы в свою летнюю резиденцию, где его встречали пушечным салютом, таким же был и его отъезд.

Князь Николай Борисович умер в 1831 году в возрасте восьмидесяти лет. Он похоронен в своем имении в селе Спасском, недалеко от Москвы. Незадолго до смерти он подарил

городу Санкт-Петербургу один из своих домов. Это был пышный особняк, окруженный парком из тенистых грабовых аллей. В водах окружавших его прудов отражались статуи и мраморные вазы. Дом занял один из министров, а парк стал открыт для публики, и зимой любители кататься на коньках назначали там свидания на льду.

Я не могу закончить эту краткую биографию моего предка, не посвятив несколько строк усадьбе, бывшей его самым любимым произведением. «Архангельское, – говорили о нем, – это не доходное имение, а предмет трат и удовольствий».

Я бывал во дворцах королей и принцев, мне знакомы самые роскошные и величественные среди них. Но мне не встречалось ансамбля более пропорционального и гармоничного, чем Архангельское. Нигде я не видел, чтобы творение рук человеческих так совершенно сливалось с окружающей природой. Мы не знаем, кто был истинным архитектором этого шедевра. Архангельское первоначально принадлежало князю Голицыну, который начал строительство дворца. Вынужденный от него отказаться вследствие превратностей судьбы, он продал его князю Юсупову, который продолжил работы, внося в них важные изменения. Первоначальный проект подписан именем французского архитектора де Герна, но тот никогда не был в России, и несомненно, что его планы были исполнены русскими архитекторами²¹.

Можно предположить, что князь Николай Борисович, сделавшись владельцем Архангельского, сам руководил работами с помощью итальянца Пьетро Гонзаго, в то время признанного архитектора и театрального декоратора. Князь Николай часто принимал его в своем петербургском доме и доверил ему исполнение декораций в устроенном им театре. Вполне вероятно, что итальянский художник мог участвовать в возведении и украшении Архангельского.

Я не специалист, чтобы входить в детали, поэтому опишу Архангельское таким, каким его помню.

Длинная прямая аллея вела через сосновый лес к круглому двору, окруженному колоннадой. На первом этаже дворца большие залы с колоннами, с росписями на потолках были украшены мраморными статуями и картинами известных мастеров. Два зала были специально посвящены Тьеполо и Гюберу Роберу. Красивая старая мебель, растения и цветы придавали этим комнатам, несмотря на их величественные размеры, некоторую интимность. В центре – зал с ротондой, предназначенный для праздников, открывал свои двери в парк. Все посетители Архангельского приходили в восхищение открывающейся отсюда перспективой: террасы и длинный зеленый газон, обрамленный статуями, тянулись к горизонту и терялись в синей тени леса.

Левое крыло было занято столовой и апартаментами моих родителей. На втором этаже находились комнаты мои и брата, а также комнаты, предназначенные для гостей. В правом крыле находились гостиная и библиотека в тридцать пять тысяч томов, среди них пятьсот эльзевиров²² и Библия 1462 года, современница изобретения книгопечатания. Все книги сохранили первоначальный переплет и имели экслибрис «Ex. biblioteca Arkhangelina».

В детстве я боялся играть вблизи библиотеки, поскольку там находился автомат в человеческий рост, представлявший Жан Жака Руссо, сидящего за столом, одетого на французский манер. При запуске особого механизма автомат мог приходиться в движение.

Рядом находилась коллекция старинных экипажей. Я особенно помню карету резного золоченого дерева, украшенную медальонами работы Буше, внутри обтянутую малиновым

²¹ Большие строительные работы в Архангельском велись с 1780 г. при прежних владельцах усадьбы князьях Голицыных. В 1780–1790 гг. по проекту французского архитектора Ш. де Герна построен каменный двухэтажный дворец. В 1810 г. Архангельское покупает Н.Б. Юсупов. С 1813 г. в строительстве усадьбы участвуют русские архитекторы И.Я. Жуков, О.И. Бове, В.Я. Стрижаков, С.П. Мельников, Е.Д. Тюрин и др. По их проектам построены триумфальная арка ворот, здание театра, парковые павильоны.

²² Эльзевиры – семья голландских типографов и издателей (1581–1712), занимавшая главенствующее положение в книжном деле Европы XVII в. Издания, напечатанные художественно выразительным шрифтом, который получил название эльзевир, имеют большую ценность.

бархатом. Если поднять одну из подушек, обнаруживалось сиденье с дырой. Князь Николай, больной, но вынужденный присутствовать на коронации императора Павла, приказал устроить это удобство в своей карете.

В 1912 году, когда я распорядился переоборудовать жилые комнаты, сделав их более комфортабельными, мне пришлось остаться наблюдать за работами. Я воспользовался этим, чтобы привести в порядок гардеробы, подвалы и чердаки, где обнаружил замечательные вещи. На чердаке театра я нашел свернутые в большой рулон пыльные полотна, оказавшиеся не чем иным, как декорациями Пьетро Гонзаго. Я тотчас приказал водрузить их на место на театральной сцене, где они произвели замечательное впечатление.

Тогда же я нашел целые сундуки с фарфором и хрусталем фабрик Архангельского. Я приказал перевезти эти находки в Петербург, чтобы украсить ими витрины моей столовой.

* * *

После смерти князя Николая Борисовича Архангельское перешло к его сыну, князю Борису. Он был совершенно не похож на своего отца, у него был совсем другой характер. Его независимость, прямота и откровенность приобрели ему больше врагов, чем друзей. При выборе последних его не привлекали ни богатство ни положение. Ему были важны лишь их доброта и честность.

В тот день, когда он должен был принимать у себя царя и царицу, министр двора вычеркнул несколько имен из списка приглашенных. Князь не согласился с этим.

«Когда я достаиваюсь высокой чести принимать государя и государыню, – сказал он, – все моё окружение должно иметь возможность при этом присутствовать».

Во время голода 1854 года князь Борис помогал своим крестьянам из собственных средств. Крестьяне любили его.

Он как мог управлял сказочным богатством, полученным в наследство. По правде говоря, князь Николай долго раздумывал, оставить ли Архангельское сыну или подарить государству. Он опасался, что в руках князя Бориса участь этого прекрасного имения переменится. Действительно, после смерти старого князя его сын тотчас поспешил превратить Архангельское в доходное имение. Большая часть произведений искусства была перевезена в Петербург, зоологический сад продан, актеры, танцовщицы и музыканты уволены. Император Николай I вмешался, но было уже поздно: непоправимое произошло.

После смерти князя Бориса все состояние унаследовала его вдова. Он был женат на Зинаиде Ивановне Нарышкиной²³, позднее графине де Шово. Их единственный сын, князь Николай²⁴, был моим дедом, отцом моей матери²⁵.

²³ Юсупова Зинаида Ивановна (1809–1893), урожденная Нарышкина, во втором браке, после смерти, Б.Н. Юсупова, графиня де Шово маркиза де Серр.

²⁴ Юсупов Николай Борисович-мл. (1827–1891), почетный опекун, гофмейстер двора. Окончил Петербургский университет со степенью кандидата права. Почетный член Парижской и Римской консерваторий.

²⁵ Юсупова Зинаида Николаевна (1861–1939), старшая дочь Н.Б. Юсупова; кроме нее у Николая Борисовича были сын Борис, умерший в 1863 г. в младенчестве, и дочь Татьяна (1866–1888), умершая от тифа.

Глава III

Мое рождение. – Разочарование моей матери. – Зоологический сад в Берлине. – Моя прабабка. – Мои деды и бабки. – Мои родители. – Мой брат Николай.

Я родился 24 марта 1887 года в нашем петербургском доме, на набережной Мойки²⁶. Меня уверяли, что накануне мать была на балу в Зимнем дворце и танцевала всю ночь. Наши друзья видели в этом предзнаменование, что у ребенка будет веселый нрав и склонность к танцам. Я действительно имел веселый нрав, но никогда не был хорошим танцором.

При крещении я получил имя Феликс. Моим крестным отцом был дед с материнской стороны, князь Николай Юсупов, крестной матерью – прабабка графиня де Шово. Во время церемонии крещения, проходившей в нашей часовне, священник чуть не утопил меня в купели, куда, по православному обряду, ребенка должны погрузить трижды. Меня с трудом вернули к жизни.

Я появился на свет таким слабым, что врачи не обещали мне более суток жизни, а моя худоба была такова, что старший мой брат Николай, уже пятилетний, закричал, увидав меня: «Какой ужас! Его надо выбросить в окно». Моя мать, имевшая к тому времени уже троих сыновей, двое из которых умерли в младенчестве, была так убеждена, что я буду девочкой, что приготовила все приданое розового цвета. Чтобы утешить себя в этом разочаровании, она приказывала одевать меня девочкой до пяти лет. Нисколько не уязвленный, я находил в этом повод для тщеславия. На улице я обращался к прохожим: «Полюбуйтесь, какая хорошенькая малышка». Этот каприз матери не прошел без влияния на формирование моего характера.

Одно из моих первых воспоминаний относится к посещению зоологического сада в Берлине, когда я жил в этом городе с родителями.

Я был одет в тот день в морской костюм, купленный матерью накануне, с надписью «Жан Барт» на бескозырке с ленточкой. Этим нарядом я немало гордился. В руках у меня была маленькая тросточка. В таком виде, очень довольный собой, я отправился с няней в зоологический сад. Войдя в сад, я увидел легкие повозки, запряженные страусами, и не успокоился до тех пор, пока няня не разрешила мне сесть в одну из них. Все шло хорошо до тех пор, пока, без всяких видимых причин, страус не понес, увозя меня в сумасшедшем беге по аллеям зоосада, задевая обо все легкой тележкой, которая опасно раскачивалась. Птица остановилась лишь перед своей клеткой. Сторожа и моя взволнованная нянька высадили из повозки маленького мальчика, испуганного, потерявшего по дороге бескозырку. Нянька думала успокоить меня зрелищем львов в клетке. Но поскольку эти животные упорно поворачивались к нам спинами, я пощекотал тросточкой зад одного из них, чтобы заставить его повернуться. Он этого не сделал и выразил свое презрение самым невежливым образом, не проявив почтения к прекрасному новому костюму, которым я так гордился.

Гораздо позже, во время учебы в Оксфорде, проезжая Берлин, я полюбопытствовал пови-
дать вновь этот зоосад. Огромная обезьяна по имени Мисси, которую я угостил арахисом, прониклась ко мне такой дружбой, что ее смотритель предложил мне войти вместе с ним в клетку. Я согласился без особого энтузиазма. Мисси выразила свою радость, обвив меня длинными руками и прижав к своей мохнатой груди. Эта демонстрация любви не показалась мне очень приятной, я мечтал лишь о том, чтобы вырваться. Но лишь только я сделал попытку удалиться, обезьяна стала издавать пронзительные крики, так что смотритель, чтобы ее успокоить, посоветовал выйти с ней на прогулку. Я подал руку моей новой подруге и обошел с нею аллеи сада к великому развлечению посетителей, останавливавшихся, чтобы нас сфотографировать.

²⁶ Речь идет о сохранившемся до настоящего времени доме № 92 на Мойке.

Всякий раз, проезжая Берлин, я обязательно заходил посмотреть на мою обезьяну. Однажды я нашел клетку пустой: «Мисси умерла», – сказал мне смотритель со слезами на глазах. Горе этого человека было неподдельно. Это был мой последний визит в Берлинский зоосад.

* * *

В детстве я имел довольно редкую возможность знать одну из своих прабабок.

Зинаиду Ивановну, княгиню Юсупову, ставшую во втором браке графиней де Шово. Мне было всего десять лет, когда она умерла, но ее образ тем не менее ясно запечатлелся в моей памяти.

Ее великолепная красота вызывала восхищение всех ее современников. Она вела очень веселую жизнь и имела множество приключений. У нее была романтическая любовь с каким-то молодым революционером, за которым она поехала в Финляндию, когда он был заключен в Свеаборгскую крепость. Чтобы иметь возможность из своей комнаты видеть окно любимого, она купила дом на холме напротив тюрьмы.

Когда женился ее сын, она оставила молодым дом на Мойке в Петербурге и поселилась у себя на Литейном проспекте в доме, который она приказала выстроить по образцу дома на Мойке, но меньшего размера²⁷.

Много времени спустя после ее смерти, разбирая ее бумаги, я нашел среди писем, подписанных самыми значительными именами того времени, письма императора Николая I, не оставлявшие никакого сомнения в характере их близости. В одном из них император предлагал ей павильон «Эрмитаж» в царскосельском парке, где приглашал ее провести лето поблизости от него. К письму был приколот черновик ответа. Княгиня Юсупова благодарила императора за любезное внимание, но отказывалась от предложения, ссылаясь на то, что имеет обыкновение жить у себя и что ее имений для этого достаточно. Тем не менее, она купила участок, смежный с императорским дворцом, и построила там павильон, бывший точной копией того, который ей был предложен²⁸. Туда она приглашала и часто принимала монархов.

Два или три года спустя, поссорившись с императором, она отправилась за границу и обосновалась в Париже, в купленном ею особняке в Парк де Принс. У нее побывал весь Париж Второй империи. Наполеон III не остался равнодушным к ее очарованию и сделал ей несколько авансов, оставшихся без отклика. На балу в Тюильри ей представили молодого французского офицера с приятным лицом, но небольшим состоянием, по имени Шово. Этот красивый офицер ей понравился, и она вышла за него замуж. Она купила для него замок Керьоле в Бретани и снабдила его титулом графа, тогда как себе добилась пожалования титула маркизы де Серр.

Граф Шово вскоре умер, оставив по завещанию замок Керьоле своей любовнице. Разъяренная графиня выкупила его у соперницы за невероятную цену и подарила департаменту Финистер с условием, что там будет устроен музей.

Каждый год мы наносили визит прабабке в Париже. Она жила одна с компаньонкой в доме в Парк де Принс. Мы селились в павильоне, связанном с домом подземным переходом, и ходили к ней лишь вечером. Я видел ее, восседающей в большом кресле, спинка которого была украшена тремя коронами: княжеской, маркиза и графской. Несмотря на возраст, она все еще была красива и сохранила всю величавость походки и благородство осанки. Всегда тща-

²⁷ Речь идет о сохранившемся до настоящего времени доме № 42 по Литейному проспекту. Построен в 1852–1858 гг. по проекту архитектора Л.Л. Бонштедта.

²⁸ Речь идет о сохранившемся до настоящего времени особняке (ныне г. Пушкин, ул. Маяковского, 10). Построен по проекту архитектора И.А. Монигетти.

тельно накрученная и надушенная, она носила рыжеватый парик и появлялась во множестве жемчужных колец.

В некоторых отношениях она проявляла странную скупость. Так, нам она предлагала заплесневелый шоколад, который хранила в бонбоньерке из горного хрусталя, инкрустированной драгоценными камнями. Я был единственный, кто отдал ему дань, и думаю, что оттуда пошло ее предпочтение ко мне. Увидав, что я согласился на то, от чего все отказывались, добрая бабушка погладила меня, говоря с чувством: «Этот ребенок мне нравится».

Она умерла столетней, в Париже в 1897 году, оставив моей матери все свои украшения, брату дом в Парк де Принс, а мне свои дома в Петербурге и в Москве.

В 1925 году, когда я был уже беженцем в Париже, я узнал из русских газет, что большевики, обыскивая наши дома в Петербурге, нашли в спальне прабабки потайную дверь, скрывавшую гроб с телом мужчины... Я долго думал о тайне, окружавшей эту находку. Мог ли это быть скелет того молодого революционера, которого она любила и прятала у себя до самой его смерти, после того как облегчила его побег? Я вспоминал, что за много лет до того, когда я в этой самой спальне разбирал бумаги прабабки, я испытывал такое странное недомогание, что позвал лакея, чтобы не находиться там одному.

Дом в Парк де Принс долго оставался необитаемым, потом он был отдан внаем и, наконец, продан великому князю Павлу Александровичу²⁹. Вновь проданный после смерти великого князя, он стал собственностью женской школы, курсов Дюпанлу, где позднее училась моя дочь³⁰.

* * *

Мой дед с материнской стороны, князь Николай Борисович Юсупов, сын от первого брака графини де Шово, был человеком значительным и с оригинальным характером.

С блеском закончив университет в Санкт-Петербурге, он вступил на государственную службу и всю жизнь служил своей стране.

В 1854 году, во время Крымской войны, он на свои средства вооружил и экипировал два пехотных батальона.

В русско-турецкую войну князь подарил армии санитарный поезд для перевозки раненых из примитивных полевых амбулаторий в петербургские госпитали. Его благотворительность проявлялась и в гражданской области. Он был основателем и организатором множества благотворительных начинаний, и в особенности интересовался институтом для глухонемых. Тем не менее, в его характере имелись странные противоречия: этот человек, который мог так широко тратиться на милосердие, был невероятно скареден в мелочах повседневной жизни. Так, во время путешествий он всегда останавливался в самых скромных гостиницах и снимал самые дешевые комнаты. Уезжая, он выходил по черной лестнице, чтобы избежать холла, где ждал персонал гостиницы в иллюзорной надежде получить чаевые.

Поскольку, кроме того, что ему трудно было угодить, у него был еще и подозрительный характер, он всех заставлял себя бояться. Для моей матери было страданием путешествовать с ним. В Петербурге, чтобы сократить расходы на приемы, он приказывал не освещать часть салонов, заставляя гостей толкаться в уже полных комнатах. Вдовствующая императрица³¹, помнившая причуды моего деда, рассказывала нам, что за ужином на столах стояла серебряная

²⁹ Великий князь Павел Александрович (1860–1919), генерал-адъютант, генерал от кавалерии. В 1890–1896 гг. командовал лейб-гвардии Конным полком. В 1898–1902 гг. командовал гвардейским корпусом. В 1916 г. назначен командующим I-го гвардейского корпуса, а затем генерал-инспектором гвардии.

³⁰ Единственная дочь Ф.Ф. Юсупова-мл. – Ирина Феликсовна Юсупова (1915–1983).

³¹ Мария Федоровна (Дагмара Датская) (1847–1928), вдова императора Александра III, мать императора Николая II.

посуда, но в вазах искусственные фрукты были перемешаны с натуральными. Тем не менее, давались праздники неслыханной роскоши и пышности. На одном из таких вечеров состоялась историческая беседа царя Александра II с французским генералом Леффло³².

Бисмарк занял агрессивную позицию и не скрывал своих намерений «покончить с Францией». Встревоженное французское правительство отправило генерала Леффло в Санкт-Петербург с миссией добиться вмешательства царя, чтобы предотвратить конфликт. Деда попросили устроить вечер, на котором французский посланник мог бы встретиться с монархом.

В тот вечер в нашем домашнем театре играли французскую пьесу. Было условлено, что царь после спектакля будет стоять у оконной ниши в фойе, где генерал Леффло сможет его найти. Когда дед увидел их вместе, он подозвал мою мать и сказал ей: «Смотри и хорошенько запомни, что ты видишь: ты присутствуешь на историческом свидании, решающем судьбу Франции».

Александр II обещал вмешаться, и Бисмарк был предупрежден, что Россия готова к мобилизации, если Германия будет упорствовать в своих воинственных намерениях³³.

Дед страстно любил искусство и всю жизнь покровительствовал художникам. Большой любитель музыки, он сам был превосходным скрипачом, его прекрасная коллекция старинных скрипок включала Амати и Страдивари. Считая, что я унаследовал от него музыкальный дар, мать поручила профессору консерватории давать мне уроки музыки. Чтобы меня ободрить, даже достали Страдивариуса, но напрасно. После этой неудачной попытки скрипка была расстроена, а мои уроки прекратились.

Коллекции, основанные князем Николаем, были пополнены его внуком, также имевшим вкус к произведениям искусства. Витрины его рабочего кабинета содержали солидную коллекцию табакерок, ваз горного хрусталя, наполненных драгоценными камнями, и другие дорогие безделушки. От своей бабки, княгини Татьяны, он унаследовал страсть к драгоценностям. С собой он всегда носил замшевый кошелек, наполненный неоправленными камнями, которые он любил перебирать, заставляя любоваться ими своих друзей. Мне он помнится всегда забавлявшим меня тем, что катал по столу восточную жемчужину, такую красивую и столь совершенной формы, что ее даже не стали просверливать.

Дед оставил множество книг о музыке³⁴, а также серьезную работу по семейной Истории³⁵. Он был женат на графине Татьяне Александровне Рибопьер³⁶. Я не знал эту бабушку, умершую до замужества моей матери. Она была слабого здоровья, что заставляло их с дедом часто бывать за границей, на водах и в Швейцарии, где у них была собственность на озере Леман. Эти частые отлучки оказались убыточными для их русских имений. Восстановление состояния и устройство наших земель, слишком часто остававшихся покинутыми, стоило многих усилий моим родителям.

Дед умер в Баден-Бадене после долгой болезни. Там я его видал в раннем детстве. Мы часто ходили к нему в гости по утрам, я и брат, в скромную гостиницу, где он жил. Обычно мы заставляли его сидящим в вольтеровском кресле, ноги его были укутаны шотландским пледом. Возле него, на столике, уставленном флаконами и лекарствами, всегда бывала бутылка малаги и коробка с бисквитами. Это с ним я принимал свои первые аперитивы.

³² Леффло Адольф Шарль Эммануил (1804–1887), французский политический деятель, генерал. С марта 1848 г. по март 1849 г. – представитель Французской республики в Петербурге. С августа 1871 г. по 1879 г. – посол в России.

³³ Речь идет о событиях 1875 г., когда Германия начала приготовления к превентивной войне против Франции, что вызвано было стремлением Бисмарка не дать Франции возможности оправиться от поражения 1870–1871 гг. Опасность войны была предотвращена благодаря вмешательству русской дипломатии. Генерал Леффло, прибывший в Петербург 13 апреля 1875 г., получил аудиенцию у Александра II.

³⁴ Среди опубликованных работ Н.Б. Юсупова-мл. по истории музыки: *Histoire de la musique en Russie*. – Paris, 1862.

³⁵ Н.Б. Юсупов-мл. был инициатором составления сборника «О роде князей Юсуповых». Подготовку этого издания осуществил Б.М. Федоров. (См: Тюнина О.П. Эпистолярные источники фонда Юсуповых. – Советские архивы. 1989. № 6).

³⁶ Рибопьер Татьяна Александровна (1828–1879), дочь Рибопьера Александра Ивановича и Екатерины Михайловны (урожденной Потемкиной), внучки Татьяны Васильевны Юсуповой.

* * *

Я не знал своей бабки с материнской стороны. Она была, говорят, добра, умна и остроумна. Она была также красавицей, судя по очаровательному портрету, сделанному с нее Винтерхальтером. Она любила окружать себя компаньонками, которых мы по-русски зовем «приживалками», – лицами, обязанности которых слабо определены, но которые часто встречались в старых фамилиях, составляя часть челяди. Так, некая Анна Артамонова имела единственной обязанностью присмотр за очень красивой собольей муфтой, которую бабка хранила в картонке. Анна умерла, бабка открыла картонку: муфта исчезла. На ее месте лежала записка, написанная рукой покойницы: «Прости, Господь Иисус Христос! Будь милостив к твоей слуге Анне за ее грехи вольные и невольные!»

Бабка специально следила за воспитанием моей матери. В семь лет мать уже привыкла к светской жизни, она умела принимать гостей и поддерживать беседу. В день, когда бабка ожидала визита одного посла, она велела принять его дочери, еще совсем маленькой. Мать старалась изо всех сил, предлагала чай, бисквиты, сигареты... Все напрасно! Гость, ожидавший хозяйку дома, не обращал ни малейшего внимания на усилия девочки и не говорил ни слова. Мать уже исчерпала все свои возможности, когда ее внезапно осенило спросить: «Может быть, вы хотите писать?» Посол мгновенно оттаял. Бабка, вошедшая в этот момент, застала его хохочущим.

* * *

С отцовской стороны я знал только бабку!.³⁷ Мой дед, Феликс Эльстон³⁸, умер задолго до женитьбы родителей. Его называли сыном прусского короля Фридриха Вильгельма IV³⁹ и графини Тизенгаузен⁴⁰, фрейлины сестры короля, императрицы Александры. Императрица отправилась в Пруссию навестить брата, взяв с собой фрейлину. Последняя внушила сумасшедшую страсть прусскому королю, который даже хотел на ней жениться. Некоторые говорят, что романтическое приключение действительно кончилось морганатическим браком; другие, что молодая женщина отказалась от этого союза, чтобы не покинуть императрицу, но что она тем не менее уступила настояниям короля и сын, родившийся от этой тайной любви, был Феликс Эльстон. Злые языки того времени видели в этом имени сочетание двух французских слов: «она удивлена» (*elle s'etonne*), которые должны были выразить чувства молодой матери.

Дед жил в Германии до шестнадцатилетнего возраста, Затем он отправился в Россию и поступил в армию. Позднее получил под свою команду донских казаков.

Он женился на Елене Сергеевне, графине Сумароковой, последней представительнице этого рода. Ввиду этого обстоятельства император позволил моему деду Эльстону принять

³⁷ Сумарокова-Эльстон Елена Сергеевна (1829–1901), дочь Сумароковых Сергея Павловича и Александры Павловны (урожденной маркизы Маруцци).

³⁸ Сумароков-Эльстон Феликс Николаевич (1820–1877), генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Окончил Артиллерийскую академию. Служил в конной артиллерии, был адъютантом военного министра А.И. Чернышева. С 1854 г. участвовал в военных действиях на Кавказе. С 1861 г. исполнял обязанности помощника начальника Кавказской гренадерской дивизии, а в 1863 г. назначен на должность наказного атамана Кубанского казачьего войска. В 1865 г. назначен начальником и командующим войсками Кубанской области. По состоянию здоровья в 1868–1874 гг. оставил военную службу. С 1875 по 1877 г. был командующим войсками Харьковского военного округа.

³⁹ Фридрих-Вильгельм IV (1795–1861), король прусский в 1840–1861 гг.

⁴⁰ Тизенгаузен Екатерина Федоровна (ок. 1803–1888), по материнской линии внучка М.И. Кутузова.

титул и фамилию жены⁴¹. Та же милость была дарована моему отцу, женившемуся на последней наследнице князей Юсуповых⁴².

Моя бабка с отцовской стороны была любезной старой дамой, маленькой и круглой, с приветливым лицом и добрым взглядом. Ее фантазии принимали забавные формы. Так, она наполняла огромные карманы своей юбки разнообразными вещами, которые называла «полезные подарки для друзей». Это было странное собрание домашних туфель, зубных щеток, лекарств и разных предметов туалета, даже самых интимных. Она раскладывала этот хлам перед нашими гостями, отыскивая на их лицах какой-нибудь признак, позволяющий выбрать предмет, подходящий для каждого. Мои родители использовали все окольные пути, чтобы заставить ее остаться в своих покоях, когда мы принимали иностранцев.

Она имела две страсти: филателию и разведение шелковичных червей. Последние наполняли дом, их находили на всех креслах, где наши гости их давили, садясь, к большому ущербу для одежды.

Когда мы были в Крыму, интерес бабки перенесся на сад. Там вновь проявилось своеобразие ее ума. Узнав, что улитки являются прекрасным удобрением для розовых кустов, она обходила имение в поисках этих моллюсков и, по возвращении, давила свой урожай, пока он не превращался в липкую кашу, которую она отдавала садовникам. Последние воздерживались от ее употребления, но, желая доставить бабушке удовольствие, никогда не упускали случая поднести ей, несколько недель спустя, особенно красивые фрукты и цветы, выросшие, как они говорили, благодаря удобрению из улиток.

Ее щедрость была безгранична. Бабка не только отдавала сама все, чем располагала, но продолжала заботиться о нуждающихся, прося для них помощи у их друзей. Она очень любила нас, меня и брата, несмотря на то, что часто бывала жертвой наших мистификаций. Одним из наших любимых развлечений было заставить ее войти в лифт и остановить его между этажами. Пока несчастная женщина, обезумев, звала на помощь, мы изображали благородных спасителей. Она всегда вознаграждала за свое очередное спасение. Тот же прием мы использовали против гостей, которые нам не нравились, но воздерживаясь от их освобождения до появления домашних, которые вскоре прибегали на их крики.

За несколько минут до смерти бабушка, верная своей странной мании, велела принести ее шелковичных червей. И, посмотрев на них в последний раз, она мирно отдала Богу душу.

* * *

«Прямо по дороге» (*Droit mon chemin*)⁴³ – таков девиз Сумароковых. Мой Отец всю жизнь был верен этому правилу. Так, по моральным качествам он превышал большинство людей нашего окружения. Физически он был высок, красив, худощав и элегантен, с темными глазами, брюнет. Хотя они располнел с годами, но сохранил крупную, энергичную походку. У него было более здравого смысла, чем настоящего ума. Его доброта проявлялась в отношениях к нижестоящим, особенно к своим подчиненным, но он был плохим дипломатом в отношениях с вышестоящими, и свобода его высказываний принесла ему определенное число врагов.

⁴¹ Став мужем графини Е.С. Сумароковой, Ф.Н. Эльстон получил право для себя и жены именоваться графами Сумароковыми-Эльстонами на основании Высочайшего разрешения, данного графу С.П. Сумарокову.

⁴² Граф Феликс Феликсович Сумароков-Эльстон, женившись на княжне З.Н. Юсуповой, единственной представительнице рода Юсуповых, получил право для себя и жены, после смерти тестя, с декабря 1891 г. именоваться князьями Юсуповыми графами Сумароковыми-Эльстонами, а в дальнейшем княжеский титул и фамилию Юсуповых передавать только старшему в роде. Их младший сын, Феликс Феликсович, оставшись единственным наследником после гибели старшего брата Николая Феликсовича в 1914 г. получил право именоваться князем Юсуповым графом Сумароковым-Эльстоном

⁴³ Девиз Сумароковых – «Одним путем без изгибов».

В молодости отец имел интерес к военной карьере. Он вступил в кавалергардский полк, которым впоследствии командовал, прежде чем стал генералом императорской свиты. В конце 1914 года царь послал его с поручением за границу, а по возвращении назначил генерал-губернатором Москвы⁴⁴.

Мой отец был плохо подготовлен к управлению безграничным богатством, принесенным моей матерью при замужестве. Он сделал довольно неудачные назначения. Старая, проявил черты оригинальности, напоминая его мать, графиню Елену. Он имел характер слишком отличный от характера моей матери, чтобы хорошо ее понимать. Прежде всего он был солдатом и не любил интеллектуальных кругов, где нравилось бывать матери. Из любви к нему она пожертвовала своими вкусами и отказывалась от многого, что могло бы сделать ее жизнь восхитительной.

Наши отношения с отцом всегда были очень отдаленными. Они ограничивались поцелуем его руки утром и вечером. Он ничего не знал о нашей жизни. Ни я, ни брат никогда не могли с открытым сердцем поговорить с ним.

Моя мать была очаровательна. Со стройной талией, тонкая, грациозная, с очень темными волосами, смуглым цветом лица и голубыми глазами, блестящими, как звезды. Она была не только умна, образованна, артистична, но исполнена самой обаятельной, сердечной доброты. Ничто не могло сопротивляться ее очарованию. Далекая от того, чтобы тщеславиться своей необычайной одаренностью, она была сама скромность и простота. «Чем больше небо вам дало, – говорила она нам часто, – тем больше вы обязаны перед другими. Будьте скромны, и если имеете в чем-то превосходство, старайтесь не дать этого почувствовать тем, кто менее одарен».

К ней сватались представители лучших родов Европы, не исключая царствующих фамилий, но она отказалась от всех партий, решив согласиться лишь на супруга, выбранного ею самой. Мой дед, уже видевший дочь на троне, отчаялся, наконец, ее там увидеть, такую нечестолюбивую. Его разочарование усилилось, когда он узнал, что она решила выйти за графа Сумарокова-Эльстона, простого офицера связи.

Мать имела природный дар танца и дар комического, позволявший ей сравняться с лучшими профессионалами. На большом придворном костюмированном балу, где все приглашенные должны были быть в костюмах бояр XVI века, император попросил ее сплясать русского. Хотя она и не репетировала с оркестром, но так хорошо симпровизировала, что музыканты без труда за ней следовали. Ее вызывали пять раз.

Знаменитый Станиславский, увидев ее игру в «Романтиках» Ростана на благотворительном представлении, пришел пригласить ее в свою труппу, уверяя, что ее настоящее место – в театре.

Всюду, где появлялась мать, она приносила свет, ее взгляд сиял добротой и кротостью. Она одевалась со сдержанной элегантностью, не любила украшений и, хотя располагала лучшими в мире, появлялась в них только в особых обстоятельствах.

Когда инфанта Элалия, тетка короля испанского, приехала в Россию, мои родители дали в ее честь прием в нашем доме в Москве. Она описала в своих мемуарах впечатление, произведенное на нее матерью:

«Из всех праздников, дававшихся в мою честь, меня особо поразила данная княгиней Юсуповой. Княгиня была очень красивой женщиной, она обладала такой замечательной кра-

⁴⁴ Князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон Феликс Феликсович-ст. (1856–1928), генерал-адъютант. Воспитанник Пажеского корпуса. С 1879 г. служил в Кавалергардском полку, в 1882 г. произведен в поручики с зачислением в гвардейскую кавалерию. В 1883–1885 гг. Причислен к Министерству внутренних дел. Адъютант великого князя Сергея Александровича в 1886–1904 гг. С 1904 г. – командир Кавалергардского полка. Командир 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии в 1908–1911 гг., в 1911 г. зачислен в Свиту. С мая 1915 г. – главный начальник Московского военного округа и генерал-губернатор Москвы.

сотой, которая остается символом эпохи; она жила в неслыханной роскоши, в окружении несравненной пышности, среди произведений искусства в чистейшем византийском стиле, в большом дворце, окна которого выходили в сумрачный город, полный колоколен. Пышная и кричащая роскошь русской жизни достигала здесь своей кульминации и переходила в самую чистую французскую элегантность. На приеме хозяйка дома была в придворном туалете, расшитом бриллиантами и чистейшим восточным жемчугом. Высокая, восхитительной пластической красоты, она носила кокошник, украшенный гигантскими жемчужинами и бриллиантами, драгоценностями, которые нашли бы место в царском венце и превращали его в целое состояние из драгоценных камней. Ослепительное сочетание фантастических драгоценностей Востока и Запада дополняло ансамбль.

Жемчужные кольца, массивные золотые браслеты с византийскими мотивами, подвески с жемчугом и бирюзой, кольца, сверкавшие всеми цветами, делали княгиню Юсупову похожей на императрицу Нижней Империи».

В другой официальной обстановке все было иначе. Мои родители сопровождали в Англию великого князя Сергея⁴⁵

⁴⁵ Великий князь Сергей Александрович (1857–1905), генерал-адъютант, генерал-лейтенант, член Государственного Совета, московский генерал-губернатор. Четвертый сын Александра II. С 1884 г. женат на великой княгине Елизавете Федоровне. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1887–1891 гг. – командир лейб-гвардии Преображенского полка. С 1891 г. – московский генерал-губернатор, с 1896 г. командующий войсками Московского военного округа. В 1905 г. от этих должностей уволен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.